

Н.А. Рожков

**Происхождение
самодержавия в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.А. Рожков**
Происхождение самодержавия в России / Н.А. Рожков – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 216 с.

ISBN 978-5-458-33051-0

ISBN 978-5-458-33051-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

Органами верховнаго управленія теорія государственнаго права называетъ, какъ извѣстно, такіе органы власти, которые творятъ юридическія нормы, регулирующія дѣятельность государства; дѣятельность этихъ органовъ является по существу „творческой, свободной, подчиненной закону только въ своихъ формахъ“, а не въ своемъ содержаніи ¹⁾). Въ формулировкѣ виднѣйшаго изъ современныхъ представителей государственной науки это „непосредственные органы государства, существованіе которыхъ опредѣляетъ форму государственнаго союза, и уничтоженіе которыхъ дезорганизуеъ государство или въ основѣ передѣлываетъ его“ ²⁾). Ясно такимъ образомъ, что органы верховнаго или высшаго управленія раздѣляютъ съ верховной властью сферу ея непосредственной дѣятельности. Отсюда вытекаетъ необходимость совмѣстнаго, связаннаго изученія исторіи верховной власти и устройства высшаго управленія: разъединить эти два проявленія государственной дѣятельности значило бы отказаться заранѣе отъ возможности понять ихъ развитіе.

Въ исторіи верховной власти и высшаго управленія должно различать двѣ стороны: административно-техническую и политическую. Основной вопросъ административной техники—это въ данномъ случаѣ вопросъ объ организаци и функціяхъ учреждений верховнаго управленія и отношеніи этихъ учреждений къ учреждениямъ подчиненнымъ. Политическая сторона заключается въ опредѣленіи того, кто является носителемъ верховной власти, и если таковымъ является

¹⁾ Коркуновъ, Русское государственное право, томъ II, изданіе 2-е, Сиб., 1897, стр. 3.

²⁾ Jellinek, Das Recht des modernen Staates, Erster Band, Berlin, 1900 стр. 498.

нѣсколько физическихъ или юридическихъ лицъ, то въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ эти лица находятся.

Изученіемъ намѣченныхъ сейчасъ двухъ сторонъ развитія верховной власти и высшаго управленія исчерпывалась бы вся задача историческаго изслѣдованія, если бы изслѣдователь могъ оставаться исключительно въ области государственныхъ отношеній. Последнее является однако же совершенно невозможнымъ, потому что понятіе развитіе государства нельзя безъ вниманія къ болѣе общимъ условіямъ—соціальнымъ и хозяйственнымъ, являющимся фундаментомъ государственныхъ отношеній и порядковъ.

Въ сущности государственный строй—не что иное, какъ особая сторона того единаго цѣлага, двѣ другихъ части котораго составляютъ хозяйство и устройство общества.

Происхожденіе самодержавія въ Россіи — тема, относящаяся, несомнѣнно къ исторіи верховной власти и высшаго управленія. Этотъ историческій процессъ надо изучать, какъ показываютъ предшествующія замѣчанія, съ точки зрѣнія административно-технической и политической и въ связи съ экономическими и социальными явленіями. Конечный хронологическій предѣлъ этого процесса—приблизительно пятидесятые и шестидесятые годы XVII вѣка. Начальный предѣлъ—половина XVI столѣтія. Однако методологическія соображенія и самое существо дѣла требуютъ предварительнаго сжатаго разсмотрѣнія исторіи верховной власти и высшаго управленія въ Россіи на экономической и социальной основѣ за болѣе раннее время. Такъ опредѣляется программа предлагаемаго изслѣдованія. Отдѣльные пункты этой программы уже нашли себѣ освѣщеніе въ предшествующей литературѣ. Этимъ объясняется неравномѣрность изложенія отдѣльныхъ вопросовъ въ данной работѣ: то, что привлекало раньше мало вниманія, требовало, очевидно, болѣе тщательной и детальной разработки, чѣмъ изученное хорошо другими изслѣдователями.

Имѣя въ виду сдѣлать книгу доступной для читателя-неспециалиста и въ то же время не желая лишить ее значенія спеціальнаго изслѣдованія, авторъ постарался по возможности сжать изложеніе; такимъ путемъ ему удалось уменьшить размѣры книги приблизительно вдвое.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Верховная власть и высшее управление въ Россіи до конца XV вѣка.

I.

Многія стороны хозяйственнаго быта древнѣйшей Россіи — до конца XII вѣка—съ достаточной полнотой и ясностью освѣщены въ литературѣ и установлены безспорно: едва-ли кто будетъ отрицать, напр., что господствующей формой хозяйства тогда былъ домашній, семейный трудъ, что хозяйственная техника отличалась примитивностью, была крайне экстенсивна, что отдѣльныя вѣтви народнаго дохода еще не дифференцировались, не раздѣлились между разными общественными группами ¹⁾. Тѣмъ не менѣе и здѣсь есть немало-важныя разногласія, касающіяся главнымъ образомъ соотношенія разныхъ отраслей хозяйства и формъ землевладѣнія. Нѣкоторые изслѣдователи, особенно археологи ²⁾, склонны преувеличивать значеніе земледѣлія и даже обрабатывающей промышленности въ хозяйственной жизни древнѣйшей Россіи, другіе придаютъ слишкомъ большое значеніе внѣшней торговлѣ ³⁾. Находки издѣлій, украшенныхъ перегородчатой эмалью, хотя даже было доказано ихъ русское происхожденіе, конечно, не уполномочиваютъ насъ на признаніе важности въ то время обрабатывающей промышленности. Второ-

1) Сводъ относящихся сюда данныхъ см. въ нашемъ „Обзорѣ русской исторіи“, часть первая, изданіе второе, М. 1905, стр. 16—41.

2) См., напр., Самоквасовъ, Древніе города Россіи, Спб., 1873, стр. 151—152; гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. 5-й, стр. 10 и сл.

3) Ключевскій, Боярская дума древней Руси, изд. 2, глава I; см. также его Курсъ русской исторіи, часть I.

степенная роль земледѣлія, особенно до XII вѣка, представляющаго ужь въ сущности переходъ къ слѣдующему періоду, явствуется изъ того, что всякій разъ, когда перечисляются предметы, которыми богата была древнѣйшая Русь, среди нихъ не встрѣчается продуктовъ земледѣлія¹⁾. Важное значеніе внѣшней торговли не можетъ быть признано какъ потому, что въ ней заинтересованы были только немногочисленные социальныя верхи да и то лишь отчасти, такъ какъ посредствомъ внѣшней торговли добывались не предметы необходимости, а предметы роскоши, такъ и по той причинѣ, что внѣшняя торговля того времени не была основана на коммерческой организаціи дѣла, не опиралась на хозяйственную эксплуатацію массъ—торговали только тѣмъ, что собирали даромъ въ видѣ дани²⁾. Надо вообще замѣтить, что и верхи общества направляли главныя свои хозяйственныя усилія не на торговлю, а на ту же добывающую промышленность, которая составляла основное занятіе народныхъ массъ³⁾.

Что касается формъ землевладѣнія, то исконность русской поземельной общины, когда то столь горячо отстаивавшаяся, въ настоящее время, кажется, уже не встрѣчаетъ защитниковъ. Но до сихъ поръ пользуется нѣкоторымъ кредитомъ мнѣніе, что въ древнѣйшей Россіи господствовала частная, личная собственность на землю въ современномъ смыслѣ слова⁴⁾. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что субъектами правъ на землю въ то время были два союза—вервь или родъ и семья. Землевладѣльческое значеніе верви выступаетъ ясно въ Русской Правдѣ предполагающей у верви опредѣленную территорію⁵⁾, а также подтверждается сближеніями верви съ соотвѣтственными союзами у западныхъ славянъ⁶⁾. Та же Русь

1) См., напр., извѣстные слова Святослава о томъ, чѣмъ богата была Русь въ его время, — „медомъ, скорою, воскомъ и рабами“: Начальная лѣтопись, годъ 969 годомъ.

2) Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ особеннсти Константинъ Багрянородный.

3) См. многочисленныя лѣтописныя извѣстія объ охотничьихъ потѣзкахъ князей на долгое время съ семьей и дружиной, а также извѣстія о квижескихъ и боярскихъ стадахъ.

4) Неволинъ, Полное собраніе сочиненій, томъ V, стр. 338.

5) Русская Правда, Троицкій списокъ, статьи 3, 63, 70 (по изданію Калачева).

6) Леонтовичъ, О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ, — въ „Журналѣ Минист. Народ. Просв.“ за 1867 г., № 4, стр. 2—19.

ская Правда ставить внѣ всякаго сомнѣнія, что и семья была субъектомъ владѣльческихъ правъ на землю: въ Русской Правдѣ идетъ рѣчь о наслѣдованіи отъ отца «дома» ¹⁾, а слово «домъ» означаетъ собою въ этомъ историко-юридическомъ памятникѣ всю семейную собственность, движимую и недвижимую: такъ въ Правдѣ говорится, что поджигатель подвергается разграбленію «дома», т.-е. конфискаціи всего имущества ²⁾; притомъ недвижимость, усадьба называется въ Русской Правдѣ не домомъ, а дворомъ ³⁾, а движимое имущество носить наименованіе товара ⁴⁾.

Русская Правда, какъ было уже сейчасъ указано, знаетъ опредѣленные границы вервной территоріи, такъ что вервь или родъ и является собственникомъ земли, включенной въ эти границы. Вотъ почему Начальная лѣтопись и говоритъ о полянахъ: «живяху кождо своимъ родомъ на своихъ мѣстѣхъ». Совершенно иной представляется сущность отношеній къ землѣ семейнаго союза. Древнѣйшая Россія вслѣдствіе обилія земельного простора очень долго — до XII вѣка — не знала свободного гражданскаго оборота земли, и потому семья не осваивала этой послѣдней, а лишь временно пользовалась ею въ предѣлахъ вервной территоріи. Это видно изъ той же Начальной лѣтописи, которая въ видѣ иллюстраціи къ извѣстію, что каждый родъ владѣлъ своими мѣстами, приводитъ разсказъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди, жившихъ на родовой землѣ со своими семьями ⁵⁾. Это же подтверждается и любопытными намеками Русской Правды на порядки, подобные существующимъ и теперь въ Сибири при такъ называемомъ вольномъ землепользованіи «опахиванію» и «зачерчиванію» или «затыпыванію» временно занимаемыхъ отдѣльными семьями въ предѣлахъ волостной территоріи земельныхъ участковъ: въ Правдѣ говорится о «межѣ ролейной» ⁶⁾, т.-е. пашенной, образованной путемъ опахиванія, и о «дубѣ знаменномъ» ⁷⁾, т.-е. имѣющемъ значекъ, зачерченномъ или затыпанномъ. Приведенныя данныя подтверждаются, наконецъ, историческими аналогіями ⁸⁾,

1) Русская Правда, Троицкій списокъ, статья 87.

2) Тамъ же, статья 79.

3) Тамъ же, статьи 94, 95, 96 и 79.

4) Тамъ же, статья 45.

5) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 4.

6) Троицкій списокъ, статья 65.

7) Тамъ же, статья 66.

8) См. наши «Историческіе и социологическіе очерки», М., 1906, стр. 106.

такъ что господство беспорядочнаго, неорганизованнаго вольнаго или захватнаго замлевладѣнія въ древнѣйшей Россіи не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію.

Итакъ первобытная неорганизованность составляетъ основную черту всего древнѣйшаго русскаго хозяйственнаго быта. То же приходится повторить и о социальныхъ отношеніяхъ: ни классоваго, ни сословнаго расчлененія общества въ сущности совершенно не было ¹⁾.

Понятно, что этому соотвѣтствовала административная техника того времени. Она отличалась прежде всего полнымъ отсутствіемъ демаркаціонной линіи между управленіемъ верховнымъ и подчиненнымъ.

Это будетъ прежде все ясно, если мы обратимъ вниманіе на законодательную дѣятельность государства, на созданіе имъ юридическихъ нормъ. Во внѣшнихъ дѣлахъ такая нормативная дѣятельность находитъ себѣ выраженіе въ заключеніи международныхъ договоровъ. Документальнымъ остаткомъ ея отъ временъ древнѣйшей Россіи являются договоры Олега, Игоря и Святослава съ греками. Характерно, что здѣсь дипломатическими представителями являются не только княжескіе „слы“ или послы, но и простые купцы, — „гости“. При томъ оказывается, что ихъ послали „великій князь Игорь и бояре его и людье вси рустіи“, что они „отъ рода русскаго слы и гостье“. Утверждены были договоры клятвою князя и язычниковъ - русскихъ передъ Перуномъ и христіанъ-русскихъ въ церкви св. Іліи ²⁾; стало быть присягали опять всѣ свободные, а не одинъ князь. Уже изъ всего этого можно сдѣлать выводъ, что заключеніе договоровъ не было прерогативой князя, какъ носителя верховной власти. Но въ данномъ случаѣ еще возможно иное объясненіе: кромѣ князя, носителемъ верховной власти было вѣче, представителями котораго и были не только послы, но и простые купцы. Другіе факты сильнѣе и рѣзче подчеркиваютъ ту истину, что въ то время и органы подчиненнаго управленія фигурировали въ качествѣ полномочныхъ рѣшителей вопроса о войнѣ и мирѣ и объ условіяхъ заключаемыхъ договоровъ. Факты эти также общеизвѣстны: мы разумѣемъ мирный договоръ Претича съ печенѣгами въ 968 году

1) См. сводъ относящихся сюда данныхъ въ нашемъ «Обзорѣ русской исторіи», часть первая, изд. 2-е, стр. 43—58.

2) Начальная лѣтопись, подъ 945 годомъ.

и переговоры бѣлгородцевъ съ тѣми же печенѣгами въ 997 году ¹⁾: Претичъ былъ простымъ воеводой, а бѣлгородское вѣче, какъ вѣче пригорода, самостоятельнаго, верховнаго значенія не имѣло въ силу извѣстнаго правила: «на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды стануть».

Извѣстное мѣсто объ «отрокахъ Свѣнелжихъ», которые «изодѣлись оружіемъ и порты» ²⁾, показываетъ, что и въ вопросахъ, отсимыхъ теперь къ области финансоваго законодательства, княжескіе воеводы, по современной терминологіи, несомнѣнно, относящіеся къ числу органовъ подчиненнаго управленія, дѣйствовали вполне самостоятельно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и сами князья: Свѣнелдъ, побѣдивъ улучей и тиверцевъ, обложилъ ихъ данью въ свою пользу и въ пользу своей дружины, установилъ, по собственному усмотрѣнію, особый налогъ. Такъ же, вѣроятно, поступали и многіе княжескіе посадники по разнымъ городамъ.

Извѣстно, какую важную роль въ созданіи нормъ уголовного права играли въ кievскій періодъ русской исторіи, на ряду съ юридическимъ обычаемъ, судебныя рѣшенія, приговоры по отдѣльнымъ дѣламъ, имѣвшіе нерѣдко значеніе прецедента, руководящаго начала на будущее время. Въ тѣхъ случаяхъ, когда судья, — будь это даже не князь, а посадникъ, — не находилъ такого прецедента, онъ самъ творилъ правовую норму, комбинируя юридическій обычай съ собственными понятіями о справедливости. Такъ, когда на Бѣлоозерѣ въ XI в. появились «волхвы», убивавшіе старыхъ женщинъ подъ предлогомъ, что онѣ виновны въ постигшемъ эту область неурожаѣ, то посадникъ князя Святослава, Янъ, схвативъ ихъ, подвергъ сначала жестокимъ истязаніямъ, а затѣмъ предоставилъ родственникамъ убитыхъ женщинъ совершить актъ кровной мести ³⁾. Янъ и не подумалъ при этомъ запросить князя о томъ, какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть виновныхъ въ столь необычномъ преступленіи.

Законодательство составляетъ въ настоящее время исключительное право верховной власти. Въ кievской Руси, какъ мы только что убѣдились, этого не было: тѣ органы, которые теперь подошли бы подъ названіе подчиненныхъ, творили правовыя нормы наряду съ органами верховнаго управленія.

1) Начальная лѣтопись подъ этими годами.

2) Начальная лѣтопись подъ 945 г.

3) Начальная лѣтопись, подъ 1071 г.

Смѣшеніе проникало и въ область судебной дѣятельности государственной власти, при чемъ самой характерной чертой этой дѣятельности надо признать то, что органы верховнаго управленія функционировали въ сферѣ суда непосредственно, играли роль трибунала первой инстанціи. На непосредственную судебную дѣятельность князя мы имѣли цѣлый рядъ указаній въ нашихъ источникахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего Русская Правда, предполагающая жалобу закупа князю на обиду отъ господина и говорящая о тяжбѣ братьевъ изъ-за наслѣдства передъ княземъ, о наказаніяхъ отъ князя за разные преступленія, о приводѣ вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія на княжъ дворъ ¹⁾ и т. д. Въ лѣтописяхъ также встрѣчаемъ неоднократныя указанія на княжескій судъ: въ 1024 г. Ярославъ судилъ и казнилъ волхвовъ въ Суздаль; въ 1071 г. бѣлозерскіе волхвы требовали, чтобы ихъ судилъ самъ князь Святославъ; кіевляне поставили условіемъ Игорю Ольговичу, чтобы онъ самъ судилъ въ Киевѣ и пр. Всеславъ Полоцкій, по „Слову о полку Игоревѣ“, „людемъ судяше“. Наконецъ, и изъ Поученія Владиміра Мономаха видно, что судъ входилъ въ кругъ ежедневныхъ занятій князей. Замѣчательно при этомъ, что посадникъ, получая назначеніе отъ князя, облакался всею полнотою судебной власти послѣдняго: инстанцій не существовало, жалоба и апелляція не признавалась: Янъ не обратилъ никакого вниманія на требованіе бѣлозерскихъ волхвовъ, чтобы ихъ судилъ самъ князь ²⁾.

Переходя къ третьей сферѣ государственной дѣятельности, къ управленію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, приходится опять констатировать фактъ полного смѣшенія функций верховной и подчиненной власти. Къ числу административныхъ дѣйствій власти принадлежитъ прежде всего назначеніе различныхъ должностныхъ лицъ. Конечно, только князь назначалъ своихъ замѣстителей по городамъ—посадниковъ: такъ Рюрикъ посадилъ своихъ „мужей“ въ Ростовъ, Бѣлоозеръ и Полоцкъ, а Олегъ—въ Смоленскъ и Любечъ; въ 977 г. Ярополкъ послалъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ; въ 980 г. Владиміръ назначилъ туда же посадничать Добрыню; въ 1096 г. Олегъ Святославичъ посадилъ посадниковъ по городамъ въ ростовско-суздальскомъ краѣ, а въ 1097 г. Святополкъ сдѣлалъ посадникомъ во

1) Троицкій списокъ, статьи 55, 36 и др.

2) Начальная лѣтопись подъ 1071 г.

Владиміръ Волынскомъ Василю; въ 1176 г. Ростиславичи роздали въ ростовской землѣ посадничество южнорусскимъ дѣтскимъ ¹⁾. Эти посадники, вѣроятно, уже сами поручали исполненіе тѣхъ или другихъ административныхъ функцій своимъ дружинникамъ — „отрокамъ“ и хозяйственнымъ слугамъ, большею частью изъ рабовъ, — „тіунамъ“: всѣ эти метельники или писцы, мечники, ябетники, данники, мытники, осменики, мостники, городники, если они исполняли свои обязанности въ области, находившейся въ вѣдѣніи посадника, получали свою власть, несомнѣнно, отъ послѣдняго, а не отъ князя. За это, говорятъ, и данныя о намѣстникахъ и ихъ подчиненныхъ болѣе поздней эпохи, и прямыя свидѣтельства въ родѣ указанія Русской Правды, что отрока посылалъ для поимки бѣглаго холопа именно посадникъ ²⁾. Но по той же Русской Правдѣ князь посылаетъ отрока дѣлить наслѣдство между братьями ³⁾; мы знаемъ также, что князья держали для суда своихъ тіуновъ. Слѣдовательно, въ предѣлахъ той территоріи, которая оставалась нерозданной посадникамъ, князь самъ назначалъ всѣхъ должностныхъ лицъ и раздавалъ всѣ административныя порученія до самыхъ мелкихъ включительно. Отказываясь совершенно на время даже отъ своихъ верховныхъ правъ по управленію тамъ, гдѣ былъ посадникъ, князь въ извѣстной части своего княжества въ дѣлѣ назначенія административныхъ органовъ бралъ на себя функціи подчиненныхъ властей. Это и составляетъ характерную черту изучаемаго времени.

Подчиненными органами при внѣшнихъ сношеніяхъ, при дипломатическихъ переговорахъ являются, несомнѣнно, послы или повѣренные договаривающихся сторонъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда древнерусскимъ князьямъ приходилось вступать въ соглашенія съ властителями болѣе культурныхъ странъ, чѣмъ древнѣйшая Россія, напр., съ византійскими императорами, дѣйствительно снаряжались посольства. Бывало это, иногда, и въ другихъ случаяхъ. Но часто князья сами брали на себя веденіе переговоровъ: припомнимъ, напр., личные переговоры Владиміра съ Ярополкомъ, ознаменовавшіеся убійствомъ послѣдняго, переговоры Мстислава съ Редедей, съѣзды князей въ Любечѣ и Витичевѣ и т. д.; особенно яркой картиной такого

¹⁾ См. Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, томъ I, подъ указанными годами.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 108.

³⁾ Тамъ же, статья 100.

личнаго веденія переговоровъ между князьями является рассказъ лѣтописи о сѣздѣ князей на Долобскомъ озерѣ ¹⁾.

Итъ нужды, далѣе, приводить многочисленныя и общезвѣстные факты личнаго предводительства князей на войнѣ: князья опять таки брали здѣсь на себя чисто-исполнительныя функціи.

Наконецъ, во всѣхъ сферахъ внутренняго управленія князь сплошь и рядомъ выступалъ въ роли не только верховнаго распорядителя, но и подчиненнаго исполнителя-администратора: княжеское полюдье было сборомъ дани, производившимся княземъ лично ²⁾; по хозяйству князь распоряжался всѣми мелочами большею частью самъ: такъ поступали, напр., Ольга и Владиміръ Мономахъ ³⁾, и т. под.

Спрашивается, наконецъ, какъ слѣдуетъ характеризовать верховную власть и высшее управленіе въ древнѣйшей Россіи съ политической точки зрѣнія? Иначе: кто являлся тогда носителемъ верховной власти?

Этотъ вопросъ неодинаково рѣшается всѣми изслѣдователями. Высказаны два главныхъ взгляда: одни полагаютъ, что въ кievскій періодъ русской исторіи (до конца XII в.) господствовало двоевластіе вѣча и князя ⁴⁾; по мнѣнію другихъ, тогда существовали троевластіе вѣча, князя и боярскаго думы ⁵⁾.

Уже изъ простаго сопоставленія этихъ двухъ мнѣній видно, что вѣче и князь всѣми неоспоримо признаются носителями верховной власти. И это, дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, потому что и вѣче и князь утверждали своею дѣятельностью самыя основныя устои государственнаго строя того времени: извѣстно, что ихъ воля имѣла рѣшающее значеніе въ вопросахъ о замѣщеніи княжескихъ столовъ, въ установленіи экстренныхъ денежныхъ сборовъ и постоянныхъ даней, въ законодательствѣ, въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній между органами управленія и т. д. Внимательному разбору подлежитъ, слѣдовательно, лишь дѣятельность боярскаго думы, политическое значеніе которой вызываетъ разногласіа.

¹⁾ Начальная лѣтопись подь 1103 г.

²⁾ См. извѣстный лѣтописный рассказъ о полюдьѣ Игоря въ вѣмлѣ древлянъ.

³⁾ Начальная лѣтопись подь 947 г.; Поученіе Владиміра Мономаха.

⁴⁾ См. напр., Соловьевъ, Обь отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 16; Градовскій, Собраніе сочиненій, т. I, Спб., 1899, стр. 339—381 и др.

⁵⁾ Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 2-е, стр. 40; Малиновскій, Рада великаго княжества Литовскаго, часть I, Томскъ, 1903, стр. 50.